

Алгоритм восприятия текста и межкультурная коммуникация

© кандидат филологических наук Д.Б. Гудков, 1997

I. Предварительные замечания

В заглавии настоящей статьи присутствуют два понятия, которые, с одной стороны, активно изучаются современной наукой, а с другой — могут быть признаны одними из наиболее непонятных и загадочных. За каждым из них стоит богатая традиция, огромное количество научных работ, отражающих совершенно различные, часто противоречащие друг другу подходы, которые приводят, соответственно, к прямо противоположным результатам. Каждый из данных терминов влечет за собой шлейф вопросов, на которые невозможно дать однозначные ответы, а также новых терминов, единого понимания которых, несмотря на все усилия, добиться не удастся: что такое текст? что должно включаться в понятие художественного текста? каковы границы художественности и критерии ее выделения? что такое культура? где проходит граница между универсальным, индивидуальным и национальным в той или иной культуре? является ли межкультурная коммуникация особым видом коммуникации? каковы основные закономерности коммуникации вообще и межкультурной коммуникации в частности? — вот лишь часть тех вопросов, с которыми сталкивается любой исследователь, затрагивающий проблемы, обозначенные в названии настоящей работы. Попытка дать непротиворечивые ответы на все указанные вопросы (а список их легко может быть продолжен) неизбежно приводит к риску “утонуть” в безграничном обилии разнообразных фактов и их интерпретаций.

В настоящий период развития научной мысли (в том числе и лингвистики), который условно может быть назван постструктуралистским, заметна тенденция к образованию новой парадигмы знания, в основе которой лежит отказ ученых от всеохватывающих общих теорий, глобальной системности, интерес не к линейной последовательности и непрерывности, но, напротив, пользуясь терминологией М. Фуко, к изучению точек разрыва причинно-следственных связей, прерывности, рассеянности событий. Объектом научного анализа при таком подходе становятся не некоторые общие закономерности (как в предшествующий

период), но исключения, которые не вписываются в единую систему, дискредитируют ее претензии на всеобщность¹.

Соглашаясь с тем, далеко не все факты могут быть вписаны в систему, что при попытке вывести некие общие законы существования таких объектов, как текст и коммуникация, мы неизбежно вынуждены прибегать к редукции, заметим, что для решения прикладных задач лингвистики и лингводидактики, связанных с выявлением и описанием художественных текстов определенного типа в русском лингвокультурном сообществе с целью их презентации иностранцам, изучающих русский язык, нам приходится исходить из некоторых единых законов и принимаемых общих понятий. Эти законы и понятия априорно постулируются нами на основании эмпирического опыта. Мы имеем в виду, что те или иные единичные факты позволяют выдвинуть гипотезу, осмысляемую теоретически, подвергаемую спекулятивной оценке и обработке, затем на основании уже этой гипотезы мы пытаемся обобщить и свести в некую систему все разнообразие разрозненных фактов; если при этом количество объектов за пределами данной системы (не вписывающихся в нее исключений) не является чрезмерным, а сама она не содержит внутренних логических противоречий, мы можем признать нашу теорию работающей, никак не претендуя на то, что только она является единственно верной. Затем необходимо спустится на следующий уровень анализа и проверить действие выдвинутых принципов на примере одного из центральных элементов ядра системы, ибо именно в центре действие данных принципов должно являться наиболее последовательным и эффективным, на периферии же их влияние ослабевает и возрастает число исключений.

Именно подобным образом мы постараемся построить наши рассуждения. Сформулировав вначале общие понятия² и определив ключевые посылки, обратимся к рассмотрению и интерпретации конкретного эмпирического материала.

Завершая вводную часть, заметим, что обращение к анализу художественного текста в межкультурной коммуникации в рамках прикладной русистики и лингводидактики является весьма актуальным, так как, помимо серьезного влияния на коммуникативное поведение членов русского лингвокультурного сообщества, художественный текст (преж-

¹ Ср. размышления на эту тему Б.М. Гаспарова и его подход к описанию языка в [1].

² Большинство из этих понятий выработано совместно участниками научного семинара "Текст и коммуникация", к числу которых принадлежит и автор данной статьи.

де всего, прецедентный текст) играет важную роль при обучении иностранцев русскому языку, выступая и как средство обучения, и как критерий владения языком (умение читать, понимать и интерпретировать художественный текст является одним из показателей степени коммуникативной компетенции учащегося), и как цель изучения языка (практика показывает, что именно желание читать в оригинале тексты русской классической литературы является для многих иностранцев главным стимулом к изучению русского языка).

II. Исходные понятия и положения³

Мы называем **текстом** продукт речемыслительной деятельности вербально выраженный и знаково зафиксированный, обладающий, с точки зрения его автора, информативной и содержательной самодостаточностью, значение текста не равно простой сумме составляющих его единиц.

Когнитивная база (КБ) — совокупность знаний и представлений, общих практически для всех членов лингво-культурного сообщества. В КБ входят не личные знания и представления индивидов о тех или иных «культурных предметах», но национально детерминированные инварианты восприятия последних. КБ, с одной стороны, оказывается результатом действия специфических для каждого языкового сообщества моделей восприятия и обработки информации, а с другой — сохраняет, стереотипизирует и задает эти модели, создает возможности для их межпоколенной трансляции, обуславливающий, в свою очередь, языковое и культурное единство членов данного сообщества.

Одними из основных структурообразующих элементов КБ являются национально детерминированные минимизированные представления о прецедентных феноменах, среди которых выделяются невербальные (произведения живописи, музыки, архитектуры и др.) и вербальные или вербализуемые (прецедентное высказывание, прецедентное имя, прецедентный текст, прецедентная ситуация).

Прецедентным текстом⁴ (ПТ) мы называем текст, который хорошо знаком любому среднему члену лингво-культурного сообщества,

³ Подробнее приводимые ниже термины и теоретические посылки рассматриваются, например, в [6], [7], [2].

⁴ Данный термин заимствован нами у Ю.Н. Караулова, но та дефиниция, которую дает ему названный ученый [5, с.216], приложима к тому, что мы называем прецедентным феноменом. Наше понимание прецедентного текста отличается от его понимания автором данного термина.

представление о котором регулярно актуализируется в речи членов этого сообщества и инвариант восприятия которого входит в КБ. К числу ПТ принадлежат произведения художественной литературы, рекламы, научные, политические, публицистические тексты.

Межкультурной коммуникацией (МКК) мы называем коммуникацию между представителями различных лингво-культурных сообществ.

Коммуникация возможна только в том случае, если коммуниканты владеют общим кодом. Однако общности знаков оказывается недостаточно для адекватной коммуникации, необходима общность значений ассоциаций и коннотаций этих знаков, детерминируемая внекодовыми знаниями коммуникантов. Мы полностью согласны с Е.Ф. Тарасовым, утверждающим, что именно “общность присвоенной культуры (...) опеределяет общность сознаний коммуникантов, которая (...) обеспечивает возможность знакового общения, когда коммуниканты, манипулируя в межсубъектном пространстве телами знаков, могут ассоциировать с ними одинаковые ментальные образы” [13, с.10]. Из этого положения следуют два вывода.

1) Полное понимание между коммуникантами оказывается невозможным в силу индивидуальности сознания каждого из них, неповторимости дальнейшего значения знака для каждой языковой личности⁵. Более того, абсолютное понимание, гипотетически возможное при полном совпадении когнитивных пространств коммуникантов, совершенно обесценивает какой-либо обмен информацией между ними, делает бессмысленным саму коммуникацию⁶. Однако в реальности когнитивные пространства двух индивидов никогда не совпадают полностью, но всегда существует зона пересечения этих пространств, которая обеспечивает общность пресуппозиции, являющейся необходимым условием любого общения.

2) С другой стороны, полное непонимание, вызванное отсутствием точек пересечения когнитивных пространств коммуникантов, оказывается также невозможным, так как в силу универсальности определенных сторон человеческого опыта подобные точки всегда будут существовать. Это позволяет различным исследователям выделять универсальные конспекты, универсальные семантические примитивы (А. Вежбицка), универсальные метафоры (Д. Лакофф, М. Джонсон). Выдвигаются раз-

⁵ А.А. Потебня: “(...) Ближайшее значение слова народно, между тем дальнейшее, у каждого различное по качеству и количеству элементов, — лично” [10, с.158].

⁶ Подробно эта проблема анализировалась Ю.М. Лотманом, см., напр., [8, с.13-15].

ные объяснения поразительным совпадениям определенных концептов в различных культурах: общность опыта, коллективное бессознательное, единое “доавилонское” состояние человечества с общим для всех онтологическим языком и др. Мы не будем на этом останавливаться. Для нас важно, что полюса (абсолютное понимание/полное непонимание) одинаково недостижимы, любой коммуникативный акт помещается в промежуток между ними, приближаясь к тому или другому из них.

Таким образом, успешность/неудача коммуникации оказывается достаточно условным критерием. Сознвая это, мы, тем не менее, хотим заметить, что, стоя на позициях абсолютного релятивизма, невозможно решать конкретные прикладные задачи, стоящие, в частности, перед лингводидактикой. В подавляющем большинстве случаев на основании нашего обыденного опыта мы достаточно однозначно оцениваем тот или иной коммуникативный акт как успешный/неудачный, что позволяет нам пользоваться этим критерием в своей практической деятельности и говорить о том, что целью обучения инофона русскому (в нашем случае) языку является формирование коммуникативной компетенции инофона, которая позволяет ему адекватно участвовать в коммуникации на русском языке.

Мы считаем, что необходимой составляющей коммуникативной компетенции является культурная компетенция. Овладение только языковым кодом в его узко структуралистском понимании (как номенклатуры знаков различных уровней и правил оперирования ими) оказывается недостаточно, необходимо овладеть также социокультурным кодом сообщества, на языке которого ведется коммуникация, теми знаниями и представлениями, которые хранятся в КБ данного лингво-культурного сообщества.

Если сопоставить конкретные КБ, то легко заметить, что состав компонентов каждой из них по сравнению с другими специфичен, единицы, присутствующие в одной КБ, отсутствуют в другой. Эта проблема достаточно подробно исследуется в теории перевода и этнопсихолингвистике. В последней различия между лингво-культурными общностями рассматриваются как лакуны, “свидетельствующие об избыточности или недостаточности опыта одной лингвокультурной общности относительно другой” [14, с.83]. “Элиминация лакун в тексте, адресованном инокультурному реципиенту, осуществляется двумя основными способами: заполнением и компенсацией; заполнение лакун представляет собой процесс раскрытия смысла некоторого понятия (слова, принадлежащего незнакомой реципиенту культуре); суть компенсации состоит в

следующем: для снятия национально-специфических барьеров в ситуации контакта двух культур, т.е. для облегчения понимания того или иного фрагмента чужой культуры в текст в той или иной форме вводится специфический фрагмент культуры реципиент” [15, с.10-11].

Однако продолжая сопоставления КБ различных линвокультурных сообществ, мы увидим, кроме различий в составе формирующих их единиц, много совпадений, вернее квази-совпадений. Одни и те же единицы могут присутствовать в разных КБ, но структура стоящих за ними национально-детерминированных минимизированных представлений, место в самой КБ, соответственно, оценка, закрепленная за этим феноменом в той или иной культуре, оказываются различными. Одно и то же означающее может связываться в различных культурах с разными означаемыми, порождать совершенно различные “пучки” ассоциаций, по-разному употребляться в речи. Рассмотрим несколько примеров.

(1) “Хиросима” для среднего русского — жестокая, бесчеловечная и бессмысленная, с военной точки зрения, акция; для среднего же американца — то, что позволило приблизить конец войны, избежать десанта на Японские острова и, тем самым, спасти жизни сотен тысяч жизней американцев и японцев.

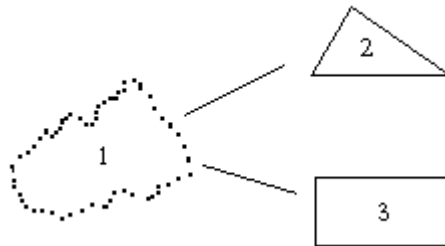
(2) В русской культуре за романами Марка Твена о Томе Сойере однозначно закреплён статус произведений детской литературы; для американцев же “Приключения Тома Сойера...” — книга в первую очередь для взрослых (на чем, кстати, настаивал и сам автор), герои романа воспринимаются американцами как воплощение разных типов национального характера.

(3) К. Меннерт в своей книге о наиболее читаемых в России в 80-ых годах писателях рассуждает о невозможности адекватно перевести на английский и немецкий языки название повести В. Шукшина “Калина красная”, хотя в каждом из названных языков есть слово, обозначающее данное растение, которое хорошо известно и немцам и североамериканцам, но не включается ими в тот же ряд ассоциаций, обусловленных мифопоэтическими фольклорными представлениями, что и у русских [17, с.174-175].

Объяснить подобные квази-совпадения, оставаясь в рамках теории лакун, невозможно, а они, между тем являются одним из основных источников межкультурных конфликтов, т.к. коммуниканты, оперируя одними знаками, обращаются при этом к разным представлениям, различия в структуре которых не осознаются, несовпадения же проявляются прежде всего в противоположных оценках одного и того же феномена.

Одной из основных причин указанных различий, согласно нашей гипотезе, оказываются различия в алгоритме минимизации явлений действительности. Тот или иной феномен бытует в национальном культурном сознании не во всей своей полноте и диалектичности, а в редуцированном, упрощенном виде. Иными словами, из него вычленяется

только ограниченное число присущих ему признаков, остальные же отбрасываются как несущественные⁷. Существуют национально-детерминированные алгоритмы минимизации элементов “поля” культуры. У представителя иной лингво-культурной общности может существовать (и существует) другой алгоритм минимизации того же самого феномена, иные принципы выделения его признаков и деления их на существенные/несущественные. Это приводит к тому, что структура минимизированного представления одного и того же явления у представителей разных культурных общностей может оказаться раз-

- 1 — реальный феномен с полным набором присущих ему признаков.
- 2 — минимизированное представление об 1 в культуре N.
- 3 — минимизированное представление об 1 в культуре S.

Действие указанной схемы может быть наглядно проиллюстрировано очень простым примером. В таблице, представленной ниже, указывается, как в разных языках передаются “голоса” определенных животных. Любопытно, что, когда информантам предлагалось симитировать эти голоса, они (в силу собственных звукоподражательных способностей) практически одинаково передавали лай собаки, кваканье лягушки и т.д. Когда же после этого им предлагалось указать буквенное выражение данных звуков (разрешалось пользоваться как кириллицей, так и

⁷ Ср., А.Ф. Лосев:“(…) Пусть обозначаемый предмет действительно существует сам по себе, независимо от наших обозначений и даже вообще от нашего сознания или мышления. Все равно, назвав такой предмет и оперируя таким названием в общении с другими людьми, мы обязательно выбираем какой-нибудь один элемент или свойство этого предмета, или пусть даже несколько свойств с отстранением на второй план прочих бесчисленных свойств данного предмета”[9, с. 11-12].

латиницей), различия в некоторых случаях оказывались весьма существенными⁸.

языки/ животные	русский	немецкий	английский	японский
собака	гав-гав	вау-вау	руфф-руфф	ван-ван
кошка	мяу-мяу	миау-миау	меу-меу	ня-ня
лягушка	ква-ква	квак-квак	рриббит	кери-кери
петух	ку-каре-ку	ки-кире-ки	кок-а-дудл-ду	ко-ке-ко-ко

Таким образом, носители различных языков, слыша одни и те же звуки, пользовались для их передачи различными буквенными обозначениями, т.е. сводили эти звуки к различным фонемам. Достаточно сложные звуковые комплексы редуцировались и кодировались носителями разных языков по-разному, по-разному выделялись существенные признаки данных комплексов.

Действие алгоритма минимизации ярко проявляется при восприятии представителями различных культур художественных текстов.

III. Художественный текст и межкультурная коммуникация

Рассматриваемый вопрос связан с проблемами различия в интерпретации одного и того же текста представителями различных лингвокультурных сообществ и путей согласования, “гармонизации” сосуществования этих интерпретаций. Для решения указанных проблем необходимо определить причины данных различий.

Понимая интерпретацию как “работу мышления, которая состоит в расшифровке смысла, стоящего за очевидным смыслом, в раскрытии уровней значения, заключенных в буквальном значении” [11, с.18], мы говорим, что она (интерпретация) всегда есть осознанная или неосознанная попытка преодолеть дистанцию между культурой реципиента и той культурой, в которой существует текст [11, с.25]. В современной науке заметна тенденция к отказу от поиска единственно правильного смысла текста. Текст рассматривается как задающий веер возможностей своей интерпретации, он предстает как обладающий принципиальной множественностью, заключающей в себе несколько разных смыслов; в тексте “нетрудно обнаружить (...) борьбу разных голосов, противоречивых идеологий, множественных источников, разнонаправленных интенций, разрывающих единство текстуальной ткани” [1, с.36]. При таком

⁸ Информантами были учащиеся в МГУ иностранцы. В качестве носителей английского языка выступали студенты из США, а немецкого — из Германии (Вестфалии).

подходе бессмысленным оказывается вопрос о “правильном” истолковании текста. Однако обыденное сознание противится этому тезису. Происходит это потому, что в той или иной культурной общности (социальной или этнической) существуют определенные рамки возможной интерпретации текста, толкование невольно или целенаправленно выходящее за эти границы, воспринимается культурным сообществом как “неправильное”, оно игнорируется или резко отвергается, осуждается и/или осмеивается (в качестве примера можно вспомнить реакцию на интерпретацию некоторых произведений русской классики В.Э. Мейерхольдом). Каждая культура может обладать собственными, отличными от других границами “поля” интерпретации текста, то восприятие текста, которое санкционируется одной культурой, оказывается неприемлемым для другой. При этом, как часто бывает при межэтнических контактах, свои критерии оценки “правильности” интерпретации представляют единственно возможными. Это проявляется на самых различных уровнях. Так, совершенно очевидно, что в различных культурах не совпадают границы художественности/нехудожественности текста, следовательно произведения, которые в одной культуре рассматриваются как художественные, в другой таким статусом не обладают. Рассмотрим только два примера.

(4) Наша коллега вела занятия по истории русской литературы в группе студентов-филологов из Монголии, находящихся на высоком уровне владения русским языком. При чтении “Слова о полку Игореве” студенты выразили удивление, что данное произведение считается высокохудожественным и относится к числу классических. Они объяснили, что объектом художественного изображения никак не может являться позорное поражение, свидетельствующее о бездарности военачальника, который при этом еще и оказался в плену; поэзия должна рассказывать о великих победах и воспевать подвиги настоящих героев, эпизод же, о котором рассказывает “Слово”, не входит в круг тем, допустимых для поэзии.

(5) В автобиографическом романе С. Липкина “Декада” (ДН, №№ 5,6/89) северокавказский писатель (бывший мулла, воспитанный в традициях восточной культуры) желает познакомиться с неизвестной ему русской классикой, о которой он много слышал. Русский переводчик (alter ego автора) дает ему прочитать рассказ “Му-му”, который, с одной стороны, прост и понятен, а с другой — воплощает в себе многие характерные черты русской классической прозы. Рассказ вызывает возмущение у представителя восточной культуры, т.к. его героями являются немой (урод) и собака (грязное животное). “У Востока тоже есть классика, — восклицает он, — народные сказания, Фирдавси, Джамаледдин Руми, Умар Хайям, Низами, Физули. Какие величественные произведения, какие мудрые красивые мысли, какие герои — цари, могучие воины, философы, красноречивые влюбленные. А тут Мымы! Собак! И немой!” Далее следуют рассуждения русского переводчика о том, что многим русским читателям, напротив, произведения перечисленных авторов

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. - М.: «Филология», 1997. Вып. 1. - 192 с.

могут казаться напыщенными, многословными, лишенными сюжета, исполненными излишнего резонерства и т.п.

Приведенные примеры наглядно свидетельствуют о том, что проблема интерпретации во многом является аксиологической, оказывается неизбежно сопряженной с оценкой. В обоих случаях реципиенты оценивали предлагаемые им тексты, которые считаются в русской культуре шедеврами, эталонами, как “плохие” и (прямо или косвенно) ставили под сомнение значимость той культуры, в которой подобные тексты могут обладать столь высоким статусом.

Из сказанного выше можно сделать практические выводы, актуальные для решения прикладных задач обучения инофона коммуникации на русском языке. Нельзя настаивать на том, что “правильной” является именно та интерпретация текста, которая принята в русском лингво-культурном сообществе, но инофона необходимо знакомить с этой интерпретацией, стремиться объяснить, почему именно она закрепилась в русской культуре, чем обусловлено именно такое восприятие текста.

Однако здесь возникает еще одна проблема. Достаточно трудно однозначно определить, какие особенности интерпретации текста детерминированы национальной культурой, а какие — индивидуальными особенностями языковой личности (уровень образования, интеллектуальные потенции и др.). В этом отношении нам могут помочь примеры сходного восприятия одних и тех же русских текстов целыми группами инофонов, когда при определенных различиях между последними все они однозначно обнаруживают типологическое сходство интерпретаций. Весьма интересные примеры подобных интерпретации приводит И.И. Яценко, описывая данные, полученные ею в ходе пилотажного эксперимента [16]. Отсылая читателя к ее работе, приведем два примера из собственной педагогической практики.

(6) Смысл рассказа А.П. Чехова “Смерть чиновника” был воспринят японскими студентами следующим образом: автор смеется над Червяковым и осуждает его за то, что он попытался перешагнуть установленные социальные рамки и в театре сидел там, где находятся люди, которые стоят на высшей ступени общественной лестницы, в то время как ему следовало занимать место, соответствующее его положению; все, случившееся с Червяковым потом, есть закономерное следствие того, что он нарушил правила социальной иерархии.

(7) Сказка “По щучьему велению” вызвала резко негативную реакцию практически у всех студентов из Японии, которые ее прочитали. Они сочли эту сказку глубоко безнравственной, т.к. она повествует о том, как патологический бездельник, не совершив ничего полезного, не ударив палец о палец, получает ничем не заслуженную награду. У японцев

вызвало серьезное удивление, что сказка эта весьма популярна в России и родители не считают предосудительным читать ее своим детям.

Приведенные примеры не позволяют говорить об особенностях индивидуального восприятия, т.к. указанные интерпретации были практически одинаковы у всех представителей японского лингвокультурного сообщества.

На наш взгляд, одной из главных причин различий в интерпретации одних и тех же текстов представителями различных лингвокультурных сообществ является разница в алгоритмах минимизации текста, что приводит к различному делению его характеристик на существенные/несущественные (при этом первые фиксируются, а вторые игнорируются). Так, если мы обратимся к примеру (7), то увидим, что различия в восприятии текста между русскими и японцами, ярко проявляющиеся на уровне оценки, обусловлены различиями в структуре представления этого текста, которые, в свою очередь, связаны с различным делением признаков центрального персонажа на существенные/несущественные. Японцы выделяют в Емеле прежде всего лень, нежелание трудиться, приносить пользу обществу, игнорируя иные его черты. Русские, прекрасно сознавая, что Емеля — лодырь, обращают внимание на его находчивость, незлобивость, “демократичность”, бескорыстие. Таким образом, различная оценка Емели русскими и японцами не означает, что русские считают лень положительным качеством, а японцы не ценят ум и находчивость, но свидетельствует о том, что русские и японцы выделяют разные черты характера данного героя как главные, игнорируя остальные как несущественные⁹.

Мы полагаем, что корпус ПТ, хранящихся в КБ того или иного лингвокультурного сообщества, задает определенный алгоритм восприятия и оценки текста вообще. Вернее, говорить надо не о самих ПТ, чего чаще всего не замечают пишущие об этих феноменах, но об инварианте восприятия ПТ, ибо говорящий в своей речи обращается, как правило, не собственно к ПТ (например, к полному тексту романа И.А. Гончарова “Обломов”, который, вероятно, прочитал не столь большой процент говорящих по-русски), но к инварианту восприятия этого ПТ, знакомому практически всем членам русского лингвокультурного сообщества и закрепленному в КБ последнего. За ПТ закрепляется статус “классиче-

⁹ Это, конечно, связано и с тем, что в каждом лингвокультурном сообществе существует собственная иерархия черт характера. Одни и те же качества, даже попадая и в той и в другой культуре в зону положительной оценки, занимают там разное место в каждой из них.

ских” текстов, они выступают в роли образца, эталона текста (и художественного текста) вообще¹⁰. В свою очередь, инварианты восприятия ПТ, хранящиеся в КБ, выступают как классические образцы восприятия текстов.

Таким образом, инвариант восприятия ПТ и алгоритм минимизации текста образуют диалектическое единство, находясь в отношениях взаимной детерминации и взаимозависимости, т.е. инвариант восприятия складывается благодаря существованию алгоритма минимизации, с другой стороны, корпус представлений о ПТ закрепляет этот алгоритм и задает его.

В своих предыдущих работах (см., напр., [3]) мы уже указывали, что одна из основных функций КБ — задавать определенную парадигму социального поведения. Корпус ПТ, главное, санкционированным лингвокультурным сообществом инварианты их восприятия задают не только критерии оценки художественных текстов и пути их интерпретации, но предлагают модели поведения как “положительные/отрицательные”, определенные качества и черты характера как “допустимые/недопустимые”. Принимая во внимание специфику взаимоотношений инвариантов восприятия ПТ и алгоритма минимизации текста, о которой мы говорили выше, весьма значительной представляется роль этого алгоритма в отражении и формировании системы ценностных критериев, существующих в лингво-культурном сообществе, и, соответственно, моделей санкционированного/запрещенного в этом сообществе поведения.

Рассмотрим подробнее еще один пример.

(8) В статье А. Шальнева “Кому приказывает Тютчев или кое-что о стереотипах” (Советская культура, 25.08.90.) излагается рассказ преподавателя Гарварда о восприятии его студентами “Собачьего сердца” М.А. Булгакова. Студентам было предложено письменно выразить свое мнение о профессоре Преображенском. Приводятся отрывки из этих сочинений, например, такие: “Меня изумил отказ профессора помогать бедным”; “Он (Преображенский) открыто говорит людям, что ненавидит их. Он говорит это, чтобы насмехаться и унижать”; “Шариков — грубый человек, но и Преображенский такой же”; “Автор манипулировал нами: пролетариев описывал как неграмотных и отвратительных подлецов, а буржуазию — как героев”; “Таких людей, как Преображенский, я считаю подлецами. Он считает себя лучше других, а людей из домкома — низшей расой”. Из сорока сочинений только в одном выражалась симпатия к Преображенскому. Интересно, что оно

¹⁰ Об “эталонности” ПТ уже говорилось в научной литературе. Ср.: “(...) Прецедент не что иное, как пример-образец или оправдание-образец, а совокупность прецедентных текстов — это совокупность эталонных, имеющих внутреннюю когнитивно-эмотивную и аксиологическую форму текстов, обращение к которым мотивировано для реципиентов [12, с.102].

было написано дочерью иностранного дипломата, учащейся в Гарварде, т.е. не американкой. Преподаватель делает вывод о том, что его студенты ассоциировали себя, скорее, с Шариковым, чем с Преображенским. Это особенно удивительно для русского читателя потому, что студенты одного из самых престижных университетов США по уровню образования и общественному положению принадлежали примерно к той же социальной группе, что и Преображенский.

Сочинения студентов наглядно свидетельствуют о том, что те выделяют прежде всего такие качества героя Булгакова, как амбициозность, барственность, снобизм и т.п., которым русские читатели отводят значительно меньше места в своем представлении о Преображенском, выделяя те его черты, которые игнорируются американцами: высокий профессионализм, трудолюбие, образованность, чувство собственного достоинства и др. Структуры представления о Преображенском у русских и американцев оказываются совершенно различными, что приводит к совершенно противоположным оценкам данного персонажа.

В заключение коротко коснемся вопроса о подвижности/неизменности корпуса ПТ и прецедентных феноменов в целом. Прецедентные феномены, являясь “эталоном”, задают границы дискурса художественного/нехудожественного и культуры/не-культуры, определяют целую культурную парадигму. Не случайно, что при попытке изменить эти границы, трансформировать эту парадигму ведется “атака” на прецедентные феномены, одни из которых выпадают из КБ, а другие входят в нее¹¹. Но изменения эти происходят достаточно медленно, больше характерны для периферии КБ и слабо затрагивают ее ядро, хотя в период бурных социальных изменений и смены культурных ориентаций (а именно такой период мы, вероятно, переживаем сейчас) трансформации подвергается и центральная ее часть. Однако алгоритм мини-

¹¹ Феномены, которые при своем появлении не включались в поле национальной культуры, воспринимались в лучшем случае как окказионализмы, со временем могут получить статус прецедентных, другие же этот статус теряют, выпадая из КБ. Примером первого рода может служить “Черный квадрат” К. Малевича, который близок к тому, чтобы представление о нем вошло в русскую КБ. Знаменательно, что попытка повреждения этой картины вызвала большой общественный резонанс, информация об этом факте неоднократно повторялась практически по всем каналам российского телевидения. Вряд ли указанное событие привлекло бы такое внимание как при жизни К. Малевича, так и еще 10 — 15 лет назад. Пример обратного рода — роман Н.Г. Чернышевского “Что делать?”, который обладал статусом ПТ еще совсем недавно, активно функционировали в речи носителей языка символы этого ПТ, актуализирующие представления о нем (Вчера и видел такой сон Веры Павловны! Он, как Рахметов, на гвоздях спит). Сегодня этот текст теряет указанный статус. Как показывает личный опыт автора, высказывания, подобные приведенным выше, не понимаются теми, кому сейчас 16 — 18 лет, что было совершенно исключено еще 10 лет назад.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. - М.: «Филология», 1997. Вып. 1. - 192 с.

мизации явлений действительности в целом сохраняется. Его трансформация возможна лишь при кардинальном изменении корпуса прецедентных феноменов, входящих, что грозит распадом единой для лингвокультурного сообщества культуры и, если происходит революционно, а не эволюционно, может привести к распаду самого этого сообщества.

Л и т е р а т у р а

1. *Гаспаров Б.М.* Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М. 1996.
2. *Гудков Д.Б.* Структура и функционирование двусторонних имен (к вопросу о взаимодействии языка и культуры) // Вестник МГУ. Сер.9. Филология. 1994, № 6.
3. *Гудков Д.Б.* Прецедентные имена и парадигма социального поведения // Лингвостилистические и лингводидактические проблемы коммуникации. М. 1996.
4. *Захаренко И.В.* “О великий, могучий, правдивый и свободный...” (О лингвокогнитивном аспекте функционирования прецедентных высказываний в политическом дискурсе) // Политический дискурс в России. М. 1997.
5. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М. 1987.
6. *Красных В.В.* О чем не говорит “человек говорящий”? (к вопросу о некоторых лингвокогнитивных аспектах коммуникации) // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. М. 1997.
7. *Красных В.В., Гудков Д.Б., Багаева Д.В.* О tempora, o mores! Новые структуры русской когнитивной базы // Лингвостилистические и лингводидактические проблемы коммуникации. М. 1996.
8. *Лотман Ю.М.* Культура и взрыв. М. 1992.
9. *Лосев А.Ф.* Знак, символ, миф. М. 1982.
10. *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. М. 1958.
11. *Рикер П.* Конфликт интерпретаций. Очерк о герменевтике. М. 1995.
12. *Сорокин Ю.С., Михалева И.М.* Прецедентный текст как способ фиксации языкового сознания // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М. 1993.
13. *Тарасов А.Ф.* Введение // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М. 1993.
14. *Уфимцева Н.В., Сорокин Ю.А.* “Культурные знаки” Л.С. Выготского и гипотеза Сепира-Уорфа // Национальная культура и общение. М. 1977.
15. *Этнопсихоллингвистика / Под ред. Ю.А. Сорокина.* М. 1988.
16. *Яценко И.И.* Психологический тезаурус рассказа А.П. Чехова “Дама с собачкой” (к вопросу о национально-этических стереотипах восприятия) // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. М. 1997.
17. *Mehnert K.* The Russians and their favorite Books. Stanford. 1983.